

DOI: 10.31857/S086904992202006X  
EDN: EVUVRW

## СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ SOCIOLOGICAL STUDIES

Оригинальная статья / Original Article

### Модели легитимации и альтернативы социальной динамики<sup>1</sup>

© И.Е. ДИСКИН

**Дискин Иосиф Евгеньевич**, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия), idiskin9@gmail.com. ORCID: 0000-0001-5002-7867

Масштабные социально-экономические преобразования неизбежно влекут за собой социально-политические риски. Для профилактики таких рисков необходимо проанализировать факторы легитимации и разработать соответствующие модели. Эти модели отражают специфику группового восприятия социальной реальности, которая обуславливает формирование оценок легитимности социально-политической системы. Эмпирической основой построения рассматриваемых моделей стали результаты социологического исследования, включающего в себя фокус-группы и общероссийский опрос. В качестве дифференцирующего основания для отнесения к одной из моделей легитимации выбраны предпочтения респондентов к определенной исторической эпохе. Исследование подтвердило гипотезу о наличии двух базовых моделей легитимации: «конвенционалистов» и «ригористов». Применение моделей позволило оценить альтернативы взаимодействия их представителей, представить ориентиры социального развития, связанные со снижением рисков социально-политической стабильности.

**Ключевые слова:** легитимность, легитимация, модели легитимации, модели социальной динамики, стратегии социального развития

**Цитирование:** Дискин И.Е. (2022) Модели легитимации и альтернативы социальной динамики // Общественные науки и современность. № 2. С. 78–94. DOI: 10.31857/S086904992202006X, EDN: EVUVRW

---

<sup>1</sup> Финансирование. Статья подготовлена по результатам проекта «Легитимность российской социально-политической системы: проблемы, специфика, пути упрочения», осуществленного при финансовой поддержке РФФИ, проект: 21-011-31887 опн.

Funding. The article was prepared based on the results of the project “Legitimacy of the Russian Socio-Political System: Problems, Specifics, Ways of Strengthening”, carried out with the financial support of the RFBR, project no. 21-011-31887 opn.

# Models of Legitimation and Alternatives to Social Dynamics

© I. DISKIN

**Iosif Y. Diskin**, HSE University (Moscow, Russia), idiskin9@gmail.com. ORCID: 0000-0001-5002-7867

**Abstract.** Large-scale socio-economic transformations inevitably entail socio-political risks. Prevention of said risks requires the analysis of legitimation factors, as well as the development of appropriate models. In these models it is necessary to reflect the specifics of the perception of social reality, which determines the formation of assessments of the legitimacy of the socio-political system. The article presents the results of a sociological study, which includes focus groups and an all-Russian survey. As a differentiating basis for attribution to one of the models were chosen the respondents' preferences in relation to certain historical eras. The study confirmed the hypothesis that there are two basic models of legitimation: «conventionalists» and «rigorists». The application of these models made it possible to assess alternatives to the interaction of representatives of these models and to present the guidelines for social development associated with reducing the risks of socio-political stability.

**Keywords:** legitimacy, legitimation, models of legitimation, models of social dynamics, strategies of social development

**Citation:** Diskin I. (2022) Models of Legitimation and Alternatives to Social Dynamics. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 2, pp. 78–94. DOI: 10.31857/S086904992202006X, EDN: EVUVRW

В последние годы легитимность социально-политической системы находится в фокусе идейно-политической борьбы. Обвинения власти в нелегитимности стали стандартным приемом.

Актуальность рассматриваемой проблемы обусловлена также тем, что масштабные социально-экономические преобразования, направленные на достижение национальных целей, неизбежно порождают значимые социальные структурные изменения и, соответственно, социально-политические риски [Дискин 2021]. Для их профилактики и купирования нужно понимать существо процессов легитимации. Возникает необходимость эксплицитно выделить факторы, которые значимо влияют на процессы легитимации.

## Исходные положения

Рассмотрение вопросов легитимности принято начинать с работ М. Вебера, который, собственно, и ввел данную проблему в научный оборот [Weber 1964]. Исходным положением стало разграничение между легитимностью с одной стороны и легальностью с другой. Его видение развил знаменитый последователь Т. Парсонс, который ввел различие между универсальными и партикулярными ценностями [Парсонс 2000]. Стало возможным рассматривать не только секулярные социальные регуляторы, но и регуляторы, которые имеют религиозную основу.

Влияние легитимности на характер функционирования социально-политической системы описал Д. Истон. Он связал легитимность со способностью поддерживать политическую стабильность. Большое значение также имеет развитие им типологии легитимности [Easton 1975]. В ее рамках были выделены различные основания легитимности,

включая ценности и интересы. Следует отметить, что данные конструкции не были эмпирически верифицированы.

Линию Истона продолжил и обобщил С. Липсет [*Lipset, Lakin 2004.*] Его вкладом в тему стал анализ ролей различных акторов, в том числе государства и элит, в легитимации социально-политической системы. С. Липсет указал также на связь между характером политической системы, с одной стороны, и уровнем социально-экономического развития, с другой [*Lipset, Lakin 2004.*] Следует обратить внимание на то, что С. Липсет, в отличие от Т. Парсонса, в качестве легитимных рассматривает лишь универсальные ценности.

Следует также иметь в виду и альтернативную конструкцию, в рамках которой на уровень социально-экономического развития и на характер функционирования социально-политической системы существенно влияет общий фактор – преобладающие социальные регулятивные механизмы [*Дискин 2016.*]

С учетом сделанных оговорок, автор принимает определение С. Липсета: «Легитимность означает, что общество в целом считает политические институты наиболее приемлемыми, независимо от мнения о конкретных людях, находящихся у власти в данной момент» [*Lipset, Lakin 2004, 209.*] Оно лежит в рамках классической вебериянской традиции социологического анализа легитимности.

Развернутый анализ методологических и теоретических проблем политической социологии, включая легитимацию, представил А.С. Филиппов [*Филиппов 2002, Филиппов 2002a.*] Особенности отечественной легитимности проанализировали М.В. Ильин и А.Ю. Мельвиль [*Ильин, Мельвиль 2007.*]

В исследовании проблем легитимации сложилось магистральное направление, которое связывает ее с демократичностью электоральных процедур [*Beetham 2013; Levi, Sacks, Tyler 2009; Lipset, Lakin 2004.*] Полагается, что эффективная электоральная система способна обеспечить достаточную легитимность социально-политической системы.

Не отрицая мейнстримного подхода, можно утверждать, что в рамках анализа процессов легитимации недостаточное внимание уделяют изучению ее социальных механизмов и разработке моделей, характеризующих специфическое восприятие социальной реальности, которое и обуславливает формирование соответствующих оценок легитимности.

Актуальность такого подхода, как представляется, ярко проявилась при обсуждении результатов президентских выборов в США, а также при анализе влияния идеологизированных взглядов на оценку социальной реальности [*Гоффе, Монусова 2020; Дискин 2021.*]

Важным фактором резкого повышения актуальности стало и социальное влияние пандемии. Пандемия коронавируса, также как и социальный «шок» 1990-х гг., привела к широкому – хоть и несколько меньшему, чем тогда – «тревожному» состоянию массового сознания. Так, по данным ВЦИОМ, 46% населения испытывают чувство тревоги. Показатель лишь немного меньше, чем доля тех, кто ощущает спокойствие – 49% [ВЦИОМ 2022]. Ощущение тревоги снижает рациональную компоненту оценки ситуации и, напротив, повышает влияние эмоциональных, часто аффектированных оценок.

Ряд экспертов полагает, что часть общества, которая негативно относится к политике властей по борьбе с коронавирусной инфекцией, занимает и негативную позицию в отношении легитимности власти [*Мамонов 2021.*]

В ходе социологического исследования – основания верификации – ставилась задача проверить гипотезу о том, что выделить носителей различных моделей оценки легитимности можно на основе дифференцирующих оснований: наличия социального опыта, а также соотношения регуляторной роли рефлексии социально-экономических интересов, с одной стороны, и ценностей, с другой. Соответственно, объектами исследования стали социальные группы, которые характеризуют:

- достаточный социальный опыт, наличие определенного уровня рефлексии как собственных, так и общественных социально-экономических интересов, значимое нравственно-этическое влияние. В качестве представителей рассматривались члены региональных и муниципальных общественных палат. Они характеризуются определенным статусом и навыками рефлексии личных и общественных социально-экономических интересов;
- отсутствие значимого социального опыта, необходимого для рефлексии социально-экономических интересов, и наличие образовательного потенциала, необходимого для восприятия нравственно-этического влияния – студенты младших курсов ВУЗов;
- невысокий уровень рефлексии собственных социально-экономических интересов, преобладание ценностных, нравственно-этических оценок – массовые социальные группы, характеризующиеся преимущественно низким и средним ресурсным потенциалом, различным образовательным уровнем.

## Результаты

В рамках проекта были проведены фокус-группы:

- с участием членов региональных и муниципальных общественных палат Республики Татарстан, Краснодарского края, Саратовской и Свердловской областей;
- с участием студентов НИУ ВШЭ (Санкт-Петербург и Пермь), Казанского инновационного университета имени В.Г. Тимирязова, Южнорусского института управления (филиал РАНХиГС).

Опрос (телефонный) жителей России был проведен по общероссийской квотной выборке – 1600 человек, метод опроса – телефонное интервью по стратифицированной двух-основной случайной выборке стационарных и мобильных номеров<sup>2</sup>.

Результаты исследования показывают, что социальные изменения последнего времени усилили фрагментацию массового сознания, и, как представляется, обусловили формирование двух базовых моделей:

1. «Ригористы» обоих флангов, которые предъявляют власти абсолютные нравственные критерии и требования, не допускают в своих оценках нравственных компромиссов<sup>3</sup>. Следует учитывать наличие переходных состояний, включая «мягких ригористов». У них преобладают нравственно-этические оценки ситуации, но сохраняется включенность в диалог.

2. «Конвенционалисты» – сторонники взаимно приемлемой конвенции относительно нравственных норм в хозяйственной, государственной и общественной жизни, учета разного рода жизненных обстоятельств, а главное, допустимых отклонений в соблюдении этих норм<sup>4</sup>.

Данные модели и ранее присутствовали в массовом сознании, но с довольно мягкими переходами и взаимопроникновениями.

---

<sup>2</sup> Социологическое исследование было проведено в рамках фундаментального исследования, осуществленного при финансовой поддержке РФФИ проект: 21-011-31887 опп. Руководитель проекта – автор статьи.

<sup>3</sup> Rigorous (англ.) строгий, суровый, неукоснительный. Метафора ригоризма позволяет характеризовать основное качество этой модели: ригоризм исключает компромиссы и не учитывает принципы, отличные от исходного. Использование этой метафоры позволяет также увидеть историческую традицию использования этого слова. В этике принцип ригоризма был сформулирован в учении Канта о долге как единственном критерии нравственности [Философский словарь, Ригоризм].

<sup>4</sup> Это название связано с концепцией, обоснованной в ряде работ автора [Дискин 2016; Дискин 2021].

Результаты исследования подтвердили актуальность проблемы легитимности социально-политической системы. Большинство участников фокус-групп указывает на наличие ситуации, которую они воспринимают как разрыв между «ценностями власти» и «ценностями народа». Представители общественных палат и общественных советов смотрят на ситуацию как на базовый социально-политический контекст страны – и как на проблему, требующую конструктивного решения совместными усилиями государства и гражданского общества.

Данные оценки совпадают с результатами опроса. Так, более 42% опрошенных отмечают определенное несовпадение между ценностями российской власти и ценностями народа.

В качестве точки, где интересы власти и народа сходятся, называют стабильность и качество жизни. Здесь характерно мнение одного из участников фокус-групп: «Раз мы говорим о легитимности, даже компромиссной, то первое, например, это стабильность. Хотим того или не хотим, на сегодняшний день у власти и народа общая ценность – стабильность».

Подтверждается гипотеза о большей склонности к социально-политическому компромиссу у исследуемого сегмента гражданского общества. Компромисс они рассматривают как один из путей легитимации. В этом смысле можно сделать вывод о том, что представители общественных палат следуют модели «конвенционалистов».

Данная модель преобладает в обществе, что подтверждается данными опроса. 55% опрошенных полностью или частично согласны с тем, что «народ и власть в России вынуждены постоянно идти на компромиссы по отношению друг к другу». Не согласны с такой позицией около четверти опрошенных.

При сопоставлении материалов фокус-групп с участием членов общественных палат, с одной стороны, и студентов, с другой, привлекает внимание более распространенное у студентов нравственное, эмоционально окрашенное восприятие власти. Так, представительным было мнение студента из Казани: «Сама государственная жизнь, она вообще многообразна, но палитра тоже, соответственно, нашей эмоциональной реакции тоже от благодарности, от гордости до просто негативного отношения к ряду моментов, связанных с коррупцией».

Результаты опроса показывают наличие различных оснований оценок ситуации. Чтобы более четко различать такие основания, были использованы предпочтения респондентов в отношении разных «эпох»<sup>5</sup>. Представления о предпочитаемых эпохах связаны с достаточно размытыми их образами, которые формируются системой образования и СМИ. В то же время в этих образах индивиды, как представляется, считывают признаки, связанные как с оценками нравственно-этических черт соответствующих «эпох», так и с учетом властями того времени социально-экономических интересов людей.

Анализ представленных в интернете референций этих «эпох» с характеристиками их привлекательных черт вполне корреспондирует с указанной позицией. Брежневский период приводят как пример заботы «о простом человеке». Сталинский становится примером величия страны, ее способности к быстрому решению насущных проблем (послевоенное восстановление, создание ракетно-ядерного оружия и т.п.). Эпоху России последней трети XIX – начала XX вв. считают расцветом отечественного искусства, быстрого роста экономики. Период правления Б.Н. Ельцина связан с ориентацией на либерально-демократические ценности.

---

<sup>5</sup> Этот подход неоднократно использовался в ряде социологических исследований.

Неопределенность возникает с оценками современной России. Здесь нет еще устоявшихся представлений. Респонденты, выбравшие современную «эпоху», могут быть носителями различных моделей легитимации. Соответственно, необходим дополнительный анализ, сопоставление данного периода с более четкими предпочтениями других «эпох».

С целью такого сопоставления были проанализированы данные как проведенного автором социологического исследования, так и результатов исследования ЦИРКОН [ЦИРКОН 2021]. В них были заданы вопросы, близкие по смыслу к следующему: в какую эпоху Вы хотели бы жить, если бы у Вас была такая возможность?

1. В современной России.
2. В СССР в период Л. Брежнева.
3. В СССР в период И. Сталина.
4. В России последней трети XIX – начала XX вв.
5. В России времен Б. Ельцина.
6. В другую эпоху.

Ответы на них, как представляется, дифференцировали опрошенных по признаку их принадлежности к одной из базовых моделей легитимации. Те, кто предпочитает современную Россию и период Л.И. Брежнева (по данным опроса ЦИРКОН, примерно 2/3), преимущественно можно отнести к «конвенционалистам». Примерно треть опрошенных, которые предпочитают времена И. Сталина и Б. Ельцина, можно отнести к «ригористам», хотя и ориентированным на кардинально различающиеся идеологические позиции. Наше исследование дает несколько иные результаты:

Распределение по вопросу 12: «В какую эпоху Вы хотели бы жить, если бы у Вас была такая возможность?»



Примечательно, что молодежные поколения (18–24 года) больше всего предпочитают современную «путинскую» Россию – 57%. Выбор примечателен в связи с тем, что эти поколения явно не обладают достаточным собственным жизненным опытом. Их оценки современной «эпохи» формируются примерно по тем же основаниям, что и отношение к предшествующим. Единственная возрастная когорта, которая предпочла «эпоху» Брежнева – респонденты 60+ (вероятно в связи с тем, что на этот период пришлась их молодость).

Дальнейший ход анализа направлен на проверку гипотезы о дифференцирующей роли исторического выбора. Данная проверка предполагает выявление существенных различий, которые влияют на формирование оценок легитимности.

Данные таблицы 1 показывают явное смещение в сторону позитивных оценок теми, кто предпочитает современную «эпоху». Оценку «очень плохая» выбирают те, чьи оценки, как и предполагалось, связаны с ценностными – а точнее идеологическими – основаниями. И сторонники «эпохи» Сталина, и сторонники «эпохи» Ельцина («ригористы» в соответствии с гипотезой) почти одинаково негативно оценивают ситуацию.

Тезис о типологической принадлежности сторонников «эпохи» Ельцина к либеральным «ригористам» подкрепляют данные таблицы 2.

Таблица 1.

% по столбцу	В какую эпоху Вы хотели бы жить, если бы у Вас была такая возможность?	В современной России	В СССР в период Л. Брежнева	В СССР в период И. Сталина	В России последней трети XIX – начала XX вв.	В России времен Б. Ельцина	В другую эпоху
	Очень хорошая	2,9	0,3	2,0	0,0	0,0	1,4
	Хорошая	14,7	8,8	6,9	12,6	3,6	4,2
	Скорее хорошая	28,7	20,1	18,6	21,8	9,1	12,5
	Скорее плохая	25,4	23,3	20,6	33,3	32,7	19,4
	Плохая	14,1	18,8	15,7	13,8	18,2	20,1
	Очень плохая	8,8	24,4	34,3	17,2	32,7	34,7
	Затрудняюсь ответить	5,2	4,3	2,0	1,1	1,8	7,6
	Отказ от ответа	0,3	0,0	0,0	0,0	1,8	0,0

Таблица 2.

% по столбцу	В какую эпоху Вы хотели бы жить, если бы у Вас была такая возможность?	В современной России	В СССР в период Л. Брежнева	В СССР в период И. Сталина	В России последней трети XIX – начала XX вв.	В России времен Б. Ельцина	В другую эпоху
	То, как власти защищают национальные интересы страны, решают проблемы ее безопасности	53,8	51,7	41,2	44,8	29,1	45,1
	То, как власти решают проблемы развития экономики и социальной сферы	56,5	50,7	46,1	57,5	65,5	64,6
	То, как власти заботятся о решении насущных проблем таких людей как Вы	43,1	39,7	32,4	50,6	38,2	45,8
	То, как власти защищают права и свободы граждан	45,8	32,4	41,2	52,9	50,9	56,9
	То, каков моральный авторитет наших властей, в целом	26,1	21,2	21,6	27,6	18,2	38,9
	Затрудняюсь ответить	5,6	8,3	5,9	5,7	3,6	6,3
	Отказ от ответа	0,5	1,9	2,9	0,0	1,8	0,7

Из них видно, что эту группу меньше других заботит защита национальных интересов и безопасности. Их – вместе со сторонниками России последней трети XIX – начала XX вв. и «другой эпохи» – беспокоит защита прав и свобод граждан. Здесь можно выделить линию разграничения между «государственниками», с одной стороны, и «либералами», с другой.

Важным дифференцирующим признаком становятся мотивы, которыми руководствуются респонденты в трудных ситуациях (таб. 3). Акцент на «трудную ситуацию» здесь связан с тем, что в такого рода ситуациях настраивается уровень проблематизации и снижается влияние моделей стереотипного поведения.

Стоит отметить, что большинство опрошенных обращаются в таких ситуациях к собственным убеждениям и принципам. Здесь, безусловно, сказываются процессы индивидуализации, на которые неоднократно обращали внимание исследователи [Бызов 2007; Дискин 2008].

Достаточно парадоксально выглядит низкая регулятивная роль закона в оценках сторонников «эпохи» Ельцина. Она даже ниже, чем у сторонников «эпохи» Сталина. Такую нигилистическую позицию у них можно объяснить типологическим отнесением к «ригористам», для которых нравственные оценки важнее, чем требования современного «закона», в легитимности которого они сомневаются. Структура мотивов сторонников «современной эпохи» вполне укладывается в гипотезу о том, что большинство из них относятся к «конвенционалистам».

Для оценки гипотезы значим анализ позиций сторонников разных «эпох» в отношении тех действий, которые обусловлены их убеждениями (таб. 4).

Представленные данные подтверждают предположения о преобладании «конвенционалистов» среди сторонников «эпохи» современной России. Важно, что «конвенционалисты» преимущественно ориентированы на легальные средства, в том числе выборы. «Ригористы» же готовы отстаивать свои убеждения и на виртуальных (в интернете), и на реальных улицах.

Соответственно, в относительно стабильной ситуации использование легальных средств позволяет «конвенционалистами» реализовать свое большинство даже при относительно небольшой политической активности.

При возникновении социально-политической напряженности и проблематизации легитимности социально-политической системы значимой становится готовность «ригористов» к активным протестам, особенно если они преобладают и на виртуальной, и на реальной «улицах». Такая ситуация будет мультиплицировать пассивность «конвенционалистов», нивелировать их «молчаливое» большинство.

Такое видение социально-политической диспозиции позволяет сделать вывод о том, сложившаяся социально-политическая стабильность имеет скорее инерционный характер и возникает из-за соотношения в обществе «конвенционалистов» и «ригористов». Одновременно их соотношение мультиплицируется структурой социально-политической активности каждого из рассматриваемых типов.

Для дополнительной оценки дифференцирующего влияния рассматриваемого выбора «исторических эпох» целесообразно рассмотреть связь этого выбора с оценкой собственного материального положения (таб. 5).

Для данного обсуждения важна именно субъективная оценка респондентами своего материального положения. На нее в различной мере оказывают влияние: реальные компоненты этого положения, соответствующие притязания, рефлексия социально-экономических интересов и ценностные ориентации, которые, в соответствии с гипотезой, способны существенно переформатировать соответствующие притязания и оценки.



Таблица 3.

% по столбцу	В какую эпоху Вы хотели бы жить, если бы у Вас была такая возможность?	В современной России	В СССР в период Л. Брежнев	В СССР в период И. Сталина	В России последней трети XIX – начала XX вв.	В России времен Б. Ельцина	В другую эпоху
	Собственными убеждениями и принципами	61,0	53,6	51,0	66,7	63,6	66,0
	Нормами закона	53,6	43,4	45,1	44,8	36,4	52,1
	Этическими нормами, нормами морали	52,3	49,9	33,3	54,0	36,4	52,8
	Нормами культуры, правилами этикета	29,8	24,9	20,6	29,9	27,3	40,3
	Традициями, сложившимися в обществе	20,6	16,9	17,6	20,7	16,4	24,3
	Советами друзей, родных	28,0	21,2	19,6	26,4	23,6	29,2
	Нормами религии, которую Вы исповедуете	16,7	15,0	10,8	17,2	7,3	18,8
	Нормами профессиональной этики	30,0	19,8	22,5	21,8	29,1	34,7
	Рекомендациями руководства	15,1	10,2	14,7	11,5	5,5	15,3
	Другое	0,8	1,6	2,9	0,0	0,0	3,5
	Затрудняюсь ответить	0,7	2,1	3,9	0,0	0,0	2,1
	Отказ от ответа	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0

Таблица 4.

% по столбцу	В какую эпоху Вы хотели бы жить, если бы у Вас была такая возможность?	В современной России	В СССР в период Л. Брежнев	В СССР в период И. Сталина	В России последней трети XIX – начала XX вв.	В России времен Б. Ельцина	В другую эпоху
	Готов участвовать в согласованных массовых протестных акциях, митингах	21,7	28,7	31,4	29,9	25,5	28,5
	Готов участвовать в массовых протестных акциях, митингах, в том числе несогласованных	7,1	10,5	16,7	10,3	27,3	11,8
	Готов заниматься политической агитацией на улицах	5,2	4,8	6,9	11,5	7,3	6,9

интересов, в том числе политических?	Готов агитировать в социальных сетях	9,5	9,7	12,7	18,4	16,4	11,1
	Готов искать поддержки у правозащитных организаций	22,6	18,0	21,6	36,8	29,1	23,6
	Готов написать жалобу	33,9	23,3	33,3	33,3	25,5	34,0
	Готов подать в суд	34,3	26,3	32,4	32,2	29,1	38,9
	Не готов на решительные действия	31,3	33,0	21,6	20,7	20,0	25,0
	Затрудняюсь ответить	4,3	5,4	6,9	2,3	3,6	7,6
	Другое	4,8	5,6	5,9	2,3	0,0	9,0
	Отказ от ответа	2,6	1,1	1,0	1,1	1,8	4,2

Таблица 5.

% по столбцу	В современной России	В СССР в период Л. Брежнев	В СССР в период И. Сталина	В России последней трети XIX – начала XX вв.	В России времен Б. Ельцина	В другую эпоху
В какую эпоху Вы хотели бы жить, если бы у Вас была такая возможность?	2,3	8,6	4,9	4,6	9,1	9,7
Денег не хватает даже на питание	16,3	30,3	29,4	20,7	20,0	19,4
Денег хватает на еду, но уже покупка одежды и обуви вызывает затруднение	36,9	33,5	34,3	44,8	50,9	37,5
Денег, в основном, хватает, однако испытываем затруднение при покупке товаров длительного пользования (например, бытовой техники)	33,9	20,4	19,6	24,1	14,5	25,7
Вызывает затруднение только покупка дорогостоящих вещей (например, автомобиля)	8,1	5,4	9,8	4,6	5,5	5,6
В настоящее время семья практически может ни в чем себе не отказывать	1,4	1,1	1,0	0,0	0,0	0,7
Затрудняюсь ответить	1,1	0,8	1,0	1,1	0,0	1,4
Отказ от ответа						

Данные таблицы 5 скорее выражают представления о материальном положении, уже в значительной мере переформатированные исходными позициями, основанными на принадлежности к предложенным моделям легитимации.

Современную «эпоху» склонны выбирать те, кто в ней в основном благополучен. Почти 43% из них не испытывают серьезных материальных затруднений. У этих групп, как характерно и для «конвенционалистов», «бытие определяет сознание». Обращает внимание то, что у «ригористов»–сторонников «эпохи» Сталина оценки благосостояния даже несколько выше, чем у сторонников «эпохи» Ельцина. Серьезные материальные проблемы испытывают сторонники «золотого века», что может указывать на их принадлежность к секторам, где трудно обеспечить материальное благополучие. Представленные данные позволяют лучше понять известную пропагандистскую диспозицию: для каких групп «телевизор» важнее «холодильника», а для каких наоборот.

Можно предположить, что исследование в основном подтвердило исходную гипотезу о наличии в обществе двух кардинально различающихся моделей легитимации.

Первая, «конвенционалисты», в своих оценках легитимности социально-политической системы характеризуется ориентацией на рационализированную рефлексию собственных социально-экономических интересов.

Для данной модели характерна также ориентация на множественность ценностей и интересов, баланс которых устанавливается, как представляется, в результате выработки определенной конвенции (отсюда и название этой модели), в которую включают и допустимую меру нарушения соответствующих норм. Соответственно, представители этой модели в своих оценках легитимности готовы руководствоваться балансом достижений и недостатков социально-политической системы.

Люди, которые относятся к этой модели, различаются как характером соответствующей рационализированной рефлексии, так и степенью влияния нравственно-этических представлений. Здесь возможны «моральные конвенционалисты», для которых их нравственно-этические представления играют важную роль наряду с представлениями о собственных интересах, а также и «циничные конвенционалисты», которые не готовы считаться с нравственными аргументами.

Вторая, «ригористы», в оценке легитимности социально-политической системы характеризуется ориентацией на нравственно-этические (чаще всего в их идеологизированной форме) позиции.

Представители этой модели характеризуются наличием в их ориентациях ценностей первого порядка, которые субординируют всю систему ценностей и представлений, включая и представления о собственных и общественных интересах. «Ригористы» различаются характером ценностей первого порядка, на которые они ориентируются. Например, для сторонников «эпохи» Сталина важны национальные интересы и справедливость, а для сторонников «эпохи» Ельцина главную роль играют мораль и права человека.

В оценке социально-политической системы они руководствуются жестким сравнением ее с неким идеалом (отсюда и название «ригористы»), сформированным под влиянием нравственно-этических представлений – зачастую в их идеологическом оформлении. В рамках модели можно выделить представителей, для которых значимы также рационализированные представления и соответствующие аргументы – «мягких ригористов».

Кардинальные различия групп обуславливают их восприятие друг друга. Различия были особенно заметны в ходе развернувшейся дискуссии вокруг необходимости прививок против коронавируса. «Конвенционалисты» (с той или иной степенью обоснованности) воспринимали оппонентов как «сектантов» или, мягко говоря, людей не совсем вменяемых. «Ригористы» же (с той же степенью обоснованности) представляли своих

оппонентов как беспринципных конформистов, людей, не воспринимающих весь спектр аргументов и т.п.

Можно сделать вывод, что понимающее проникновение в характер формирования общественных оценок легитимности социально-политической системы возможно лишь с учетом наличия кардинально различающихся моделей легитимации.

### **Альтернативы социальной динамики**

Выявление базовых моделей легитимации и специфики их оценок социально-политической реальности позволяет использовать данные модели для анализа ряда достаточно популярных сценариев делегитимации.

Так, маловероятен сценарий, связанный с массовыми протестами как результатом обострения социально-экономических проблем. Чувствительные к таким проблемам «конвенционалисты» не склонны проецировать свое недовольство в активные социальные действия. Как показывает опыт 1990-х гг., их мобилизация маловероятна.

Также мало возможен и сценарий массовой мобилизации «ригористов», так как они проблематизируют достаточно широкий спектр ценностей первого порядка. Ценности, значимые для одних, не могут быть поводом для мобилизации других. Офлайн-мобилизация «ригористов» происходит тогда, когда серьезно затронуты их общие базовые, смысловые ценности. Данный феномен и обусловил протесты на Болотной площади. Ценностная консолидация блокируется их индивидуализмом, слабой ориентацией на внешние авторитеты.

Соответственно, данная модель социально-политической диспозиции дает основания полагать, что риски значимой социально-политической дестабилизации достаточно малы. В то же время следует учитывать влияние макросоциальных перемен, которые могут их повысить.

При выборе стратегии профилактики таких рисков следует учитывать сложившиеся стереотипы и оценить последствия их реализации.

Прежде всего, следует дать оценку последствиям довольно популярных сегодня призывов к созданию доминирующей (государственной) идеологии, а также к активному участию гражданского общества в разработке и реализации какой-либо версии «идеологии развития» [Гончаренко, Авакова 2020; Иванов 2021; Славин 2008].

Из анализа видно, что попытку идеологической консолидации общества негативно встретят как «ригористы», так и «конвенционалисты». Общество настороженно относится к идеологической активности государства. Так, исследование ЦИРКОН показало, что сторонники общей (государственной) идеологии составляют меньшинство (36%), тогда как большинство (51%) выступает за идеологическое многообразие. Существенно различаются и возрастные когорты. В группе молодежи (18–24 года) почти две трети (63%) поддерживают идеологическое многообразие. Единственная возрастная когорта, в которой преобладают сторонники единой идеологии – 65 лет и старше (50%) [ЦИРКОН 2021].

В такой общественной атмосфере неосмотрительно пытаться оказывать идеологизированный прессинг с целью создать прочную общественную основу для успешного развития. Такие попытки могут привести к обострению идеологизированных противостояний, что лишь снизит шансы на успешное развитие [Дискин 2021a]. Попытки идеологизированной консолидации не ведут к решению проблемы профилактики социально-политического кризиса.

Эффективную стратегию можно найти через анализ альтернатив динамики взаимодействия между группами, объединенными в двух моделях легитимации.

1. Блокировка и подавление – консолидация «конвенционалистов» и подавление «ригористов», которая осуществляется через блокирование взаимодействия и диалога между представителями двух разных моделей. В рамках данного сценария происходит рост взаимного непонимания и отторжения, а также нигилистическая консолидация «ригористов», включая «мягких ригористов»<sup>6</sup>. Позиции представителей обеих моделей по отношению друг к другу радикализуются, происходит эскалация риторики «ненависти». В результате растет социально-политическая напряженность, происходит делигитимация социально-политической системы.

Можно сделать вывод, что стратегии, основанные на идеологической консолидации, нереалистичны, и, соответственно, необходимо искать альтернативы.

2. Деэтизация массового сознания, которая ориентирована на демпфирование общественной напряженности путем снижения роли этической компоненты массового сознания. Данная стратегия основана на гипотезе о том, что деэтизация, исключение из риторики нравственно-этической компоненты снижает проблематизацию действий социально-политической системы и не провоцирует рост оппозиционных настроений. Весь технократический инструментарий политики строится на данной гипотезе. Однако практика, в частности «монетизация льгот» и в особенности пенсионная реформа, показали ее ошибочность. Нравственная компонента в оценке деятельности социально-политической системы неизменно присутствует, но в различающейся степени.

Данная стратегия раздражает «ригористов» аморализмом власти<sup>7</sup>. Она консолидирует «ригористов», стимулирует их к переходу на нигилистические позиции. Ее могут рассматривать как легитимацию цинизма и попустительства коррупции. Неизбежно происходит общее снижение эффективности всей системы социальных институтов, блокирование динамичного социально-экономического развития и, как результат, вызревание «кризиса ожиданий», который создает предпосылки для социально-политической дестабилизации.

3. Взаимодействие и диалог. В рамках стратегии создаются механизмы, поддерживающие взаимодействие и взаимно уважительный диалог между представителями разных моделей. В результате может произойти дифференциация позиций «ригористов» разных степеней и маргинализация «жестких ригористов», снижение их влияния на массовое сознание. Нигилистические устремления «мягких» ригористов размываются, а нравственно-этическая компонента в представлениях большинства «конвенционалистов» усиливается. На данной основе может возникнуть позитивная социальная динамика, направленная на упрочение легитимности социально-политической системы<sup>8</sup>.

Представляется, что создать механизмы взаимодействия между представителями разных моделей вряд ли возможно через использование традиционных СМИ. В данном социальном сегменте достаточно низки контакты с традиционными СМИ и широко распространены предубеждения против их деятельности. В нем велико влияние локальных авторитетов и референтных групп, действующих в рамках горизонтального, межличностного взаимодействия.

---

<sup>6</sup> Соответствующая эволюция изначально «мягкой ригористки» Л. Бахаревой в последовательную нигилистку блистательно описан в романе Н.С. Лескова «Некуда» [Лесков 1996]. После выхода этого романа автор подвергся многолетней травле со стороны «прогрессивной общественности».

<sup>7</sup> Здесь уместна аналогия с объединяющим призывом диссидентов «жить не по лжи», который сыграл большую роль в утрате легитимности советской власти.

<sup>8</sup> Примечательно, что Б. Акунин вменил эту стратегию М.Т. Лорис-Меликову в своем романе «Дорога в Китеж» [Акунин 2021]. Он описал, что революционеры расценили ее как главную угрозу своим планам.

Как показывает проведенное исследование, в структурах гражданского общества широко распространен соответствующий тип личности, обладающий необходимыми качествами для рассматриваемого диалога и влияния. Они включают в свои оценки легитимности как общественные интересы, так и ее ценностные, нравственно-этические характеристики. Отсюда можно сделать вывод, что структуры гражданского общества могут стать важным источником рекрутирования надлежащих коммуникаторов.

Ряд проблем, связанных с соответствующей ролью гражданского общества в увязке с теоретическим анализом трансформационного развития и институциональных преобразований, уже были ранее рассмотрены [Горшков, Петухов 2018; Дискин 2021; Петухов 2019].

В ряду зарубежных работ по этой проблеме следует выделить недавно вышедшую книгу известных институционалистов Д. Аджемоглу и Дж. Робинсона «Узкий коридор» [Аджемоглу, Робинсон 2021]. В ней авторы вполне справедливо отмечают большое, практически решающее влияние гражданского общества на формирование нормативных представлений о социально-политической системе и на поддержание ее легитимности.

Представленный в статье анализ демонстрирует возможность реализации стратегии социальной интеграции и легитимации социально-политической системы, которая предполагает активное участие гражданского общества, упрочение общественной морали в качестве значимого регулятора социальной активности наиболее влиятельных слоев и групп общества.

Следует осознать, что для воплощения такой стратегии необходимо принять, что ее императив – сход с исторически наезженной «колеи». Уже в течение почти двухсот лет «прогрессивное» российское общество ориентируется исключительно на перемены «внешних» сторон общественной и государственной жизни, на изменение легальных основ государственности. П.Б. Струве в «Вехах» писал: «К политике в умах русской интеллигенции установилось в конце концов извращенное и в корне противоречивое отношение. Сводя политику к внешнему устройению жизни – чем она с технической точки зрения на самом деле и является, – интеллигенция в то же время видела в политике альфу и омегу всего бытия своего и народного (я беру тут политику именно в широком смысле внешнего общественного устройства жизни). Таким образом, ограниченное средство превращалось во всеобъемлющую цель, – явное, хотя и постоянно в человеческом обиходе встречающееся извращение соотношения между средством и целью» [Струве 1907].

Сегодня ширится понимание того, что изменение легальных норм без адекватного нравственно-этического фундамента превращает институты в «гробы повапленные», в формальные оболочки, заполненные либо мало содержательными бюрократическими упражнениями, либо корыстными интересами бюрократов, использующих институциональные ресурсы [Дискин 2016]. Чаше всего и в то, и в другое одновременно.

Чтобы сойти с «наезженной колеи» необходимо, прежде всего, выдвинуть упрочение нравственно-этического фундамента в фокус общественного развития. Однако для этого наше общество должно стать больше «обществом» и больше «гражданским».

Объем статьи не позволяет представить конкретные меры по реализации представленной стратегии. Они намечены в работах автора [Дискин 2016; Дискин 2021].

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 25 лет социальных трансформаций в оценках и суждениях россиян (2019) Под ред. М.К. Горшкова и В.В. Петухова. М.: Издательство «Весь Мир».
- Аджемоглу Д., Робинсон Дж. (2021) Узкий коридор. М.: Издательство АСТ.
- Акунин Б. (2021) Дорога в Китеж. М.: Издательство АСТ.
- Бызов Л.Г. (2007) Русское самосознание и социальные трансформации // Политический класс. № 1.
- Восприятие традиционности и политической традиции в массовой политической культуре современной России (2021) Результаты массового опроса населения. ЦИРКОН. Февраль-апрель 2021. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-31543.
- Гончаренко Л.Н., Авакова Э.Б. (2020) К вопросу о государственной идеологии современной России // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Политология. Религиоведение». Т. 31. С. 6–20.
- Гоффе Н.В., Монусова Г.А. (2020) Восприятие социальных реалий и субъективное благополучие в развитых странах. М.: ИМЭМО РАН. 166 с.
- Дискин И.Е. (2016) Институты: загадка и судьба. М.: Политическая энциклопедия. 302 с.
- Дискин И.Е. (2021) Консервативная модернизация. М.: Политическая энциклопедия. 342 с.
- Дискин И.Е. (2021а) Понимающая скорбь по либерализму // Тетради по консерватизму. № 4.
- Дискин И.Е. (2008) Прорыв. Как нам модернизировать Россию. М.: РОССПЭН. 319 с.
- Иванов В.Н. (2021) Идеология: pro et contra. М.: Издательство «У Никитских ворот». 72 с.
- Ильин М.В., Мельвиль А.Ю. (1997) Власть // Полис. № 6. С. 146.
- Научный совет ВЦИОМ (2021) Новая норма или закипающий котел: психоэмоциональное состояние российского общества в условиях четвертой «волны» коронавируса. 11 ноября 2021 г.
- Лесков Н.С. (1989) Некуда // В: Собрание сочинений в 12 томах. Т. 2. М.: Издательство «Правда».
- Мамонов М. (2021) Повестка партий по теме коронавируса. ВЦИОМ. ([https://wciom.ru/fileadmin/user\\_upload/210729\\_Povestka\\_partii\\_na\\_fone\\_koronavirusa\\_Mamonov.pdf](https://wciom.ru/fileadmin/user_upload/210729_Povestka_partii_na_fone_koronavirusa_Mamonov.pdf)).
- Петухов В.В. (2019) Гражданское участие в современной России: взаимодействие политических и социальных практик // Социологические исследования. № 12. С. 3–14.
- Славин Б.Ф. (2010) Россия в поисках идеологии и модели развития // Социально-гуманитарные знания. № 4. С. 3–29.
- Словари Онлайн. Философский словарь. РИГОРИЗМ. (<https://rus-philosophical-enc.slovaronline.com/7319>).
- Струве П. (1909) Интеллигенция и революция // Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. (<http://www.vehi.net/vehi/struve.html>).
- Парсонс Т. (2000) О структуре социального действия. М.: Академический проект. 880 с.
- Филиппов А.С. (2002) Политическая социология. Фундаментальные проблемы и основные понятия // Политика. 2002. № 1.
- Филиппов А.С. (2002а) Политическая социология. Фундаментальные проблемы и основные понятия // Политика. 2002. № 2.
- Beetham D. (2013) The Legitimation of Power. 2nd Edition. L.: Palgrave Macmillan. 313 p.
- Easton D.A. (1975) A Re-Assessment of the Concept of the Political Support // British Journal of Political Science. Vol. 5. No. 4. P. 452.
- Gilley B. (2009) The Right to Rule: How States Win and Lose Legitimacy. N.Y.: Columbia University Press. 217 p.

- Levi M., Sacks A., Tyler T. (2009) Conceptualizing Legitimacy, Measuring Legitimizing Beliefs // American Behavioral Scientist. Vol. 3. Issue 3. Pp. 354–375. DOI: <https://doi.org/10.1177/0002764209338797>.
- Lipset S.M., Lakin J.M. (2004) The Democratic Century. N.: University of Oklahoma Press. P. 209.
- Weber M. (1964) The Theory of Social and Economic Organization. New York, London: Free Press, Collier Macmillan.

## REFERENCES

- 25 let socialnoy transformatsii v ocnkah y sjudeniah rossian* [25 Years of Social Transformations in the Assessments and Judgments of Russians] (2018) Ed(s): M.K. Gorshkva y V.V. Petuhova. Moscow: Izdatelstvo “Ves Mir”.
- Akunin B. (2021) *Doroga v Kitezhe* [Road to Kitezh]. Moscow: Izdatelstvo AST.
- Acemoglu D., Robinson J. A. (2021) *Uzkij koridor* [The Narrow Corridor]. Moscow: Izdatelstvo AST.
- Beetham D. (2013) *The Legitimation of Power*. 2nd Edition. London: Palgrave Macmillan. 313 p.
- Byzov L.G. (2007) Russkoe samosoznaniya y socialniye transformatsiyi [Russian Identity and Social Transformations]. *Politicheskoy klass.* № 1.
- Easton D.A. (1975) A Re-assessment of the Concept of the Political Support. *British Journal of Political Science*, vol. 5, no. 4, p. 452.
- Filippov A.S. (2002) Politicheskaya sociologiya. Fundamentalnye problemy I osnovnye ponyatiya [Political sociology. Fundamental Problems and Basic Concepts]. *Politiya.* 2002. № 1.
- Filippov A.S. (2002a) Politicheskaya sociologiya. Fundamentalnye problemy I osnovnye ponyatiya [Political sociology. Fundamental Problems and Basic Concepts]. *Politiya.* 2002. № 2.
- Gilley B. (2009) *The Right to Rule: How States Win and Lose Legitimacy*. New York: Columbia University Press. 217 p.
- Goncharenko L. Avakova E. B. (2020) K voprosu o gosudarstvennoy ideologii sovremennoy Rossii [To the Question of the State Ideology of Modern Russia]. *Izvestia Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya “Politologia, religiovedenie”*. vol. 31, pp. 6–20.
- Goffe N.V., Monusova G.A. (2020) *Vospriyatie socialnykh realiy I subyektivnoe blagopoluchie v razvitykh stranah* [Perception of Social Realities and Subjective Well-Being in Developed Countries]. Moscow: IMEMO RAN. 166 p.
- Diskin I.E. (2016) *Instituty: zagadka i sudba* [Institutions: Mystery and Destiny]. Moscow: Politicheskaya enciklopediya. 302 p.
- Diskin I.E. (2021) *Kocervativnaya modernizatsiya* [Conservative Modernization]. Moscow: Politicheskaya enciklopediya. 342 p.
- Diskin I.E. (2021a) Ponimayushaya skorb po liberalizmu [Understanding Sorrow for Liberalism]. *Tetrady po konservatizmu.* no. 4.
- Diskin I.E. (2008) *Proryv. Kak nam modernizirovat Rossiyu* [Breakthrough. How Can We Modernize Russia]. Moscow: ROSSPEN. 319 p.
- Ivanov V.N. (2021) *Ideologiya: pro et contra* [Ideology: Pro et Contra]. Moscow: Izdatelstvo “U Nikitskih vorot”. 72 p.
- Ilyin M.V., Melville A.Y. (1997) Vlast [Power]. *Polis.* no. 6, p. 146.
- Scientific Council VCIOM (2021) *Novaya norma yly zakipayushiy kotel: psihoemotsionalnoe sostoyanie rossiyskogob obshchestva v usloviyah chetvertoy” volny” koronavirusa* [A New Normal or a Boiling Cauldron: The Psycho-Emotional State of Russian Society in the Context of the Fourth “Wave” of Coronavirus] 11th November.
- Slovari online. Filosofskiy slovar. RIGORISM. (<https://rus-philosophical-enc.slovaronline.com/7319>).



Leskov N.S. (1989) Nekuda [Nowhere]. In: *Sobraniye sochineniy v 12 tomah*. Vol. 2. Moscow: Izdatelstvo "Pravda".

Levi M., Sacks A., Tyler T. (2009) *Conceptualizing Legitimacy, Measuring Legitimizing Beliefs*. American Behavioral Scientist. Research Article. DOI: <https://doi.org/10.1177/0002764209338797>.

Lipset S.M., Lakin J.M. (2004) *The Democratic Century*. Norman: University of Oklahoma Press. p. 209.

Mamonov M. (2021) Povestka partiy po teme coronavirusa. VCIOM. ([https://wciom.ru/fileadmin/user\\_upload/210729\\_Povestka\\_partii\\_na\\_fone\\_koronavirusa\\_Mamonov.pdf](https://wciom.ru/fileadmin/user_upload/210729_Povestka_partii_na_fone_koronavirusa_Mamonov.pdf)).

Petuhov V.V. (2019) Grazhdanskoye uchastiye v sovremennoy Rossii: vzaimodeystviye politicheskikh I socialnykh praktik [Civic Participation in Modern Russia: Interaction of Political and Social Practices]. *Sociologicheskii issledovaniya*. no. 12, pp. 3–14.

Slavin B.F. (2010) Rossiya v poiskah ideologii I modeli razvitiya [Russia in Search of Ideology and Development Model]. *Socialno-gumanitarnaya znaniya*. no. 4, pp. 3–29.

Struve P. (1909) *Intelligentsia I revolyutsiya* [Intelligentsia and Revolution]. *Vekhi. Cbornik statey o russkoy intelligentsiyi*. (<http://www.vehi.net/vehi/struve.html>).

Parsons T. (2000) *O structure socialnogo deystviya* [On the Structure of Social Action]. Moscow: Akademicheskii projekt.

Vospriyatie traditsionnosti y politicheskoy traditsiyi v massovoy politicheskoy culture sovremennoy Possiyi [Perception of Tradition and Political Tradition in the Mass Political Culture of Modern Russia] (2021) *Resultaty massovogo oprosa naseleniya*. CIRKON. February-april 2021.

Weber M. (1964) *The Theory of Social and Economic Organization*. New York, London: Free Press, Collier Macmillan.

### Информация об авторе

**Дискин Иосиф Евгеньевич**, доктор экономических наук, ведущий эксперт Центра исследований гражданского общества и некоммерческого сектора Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Адрес: 109028, г. Москва, Покровский бульвар, д. 11. E-mail: [idisikin9@gmail.com](mailto:idisikin9@gmail.com)

### About the author

**Iosif E. Diskin**, Doctor of Sciences (Economics), Leading Expert, Centre for Civil Society and Non-Profit Sector Studies, HSE University. Address: 109028, Moscow, Pokrovsky Boulevard, 11. E-mail: [idisikin9@gmail.com](mailto:idisikin9@gmail.com)

Статья поступила в редакцию / Received: 31.01.2022

Статья поступила после рецензирования и доработки / Revised: 01.04.2022

Статья принята к публикации / Accepted: 08.04.2022